

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-50-54

Самсонов Н.Б.*Московский государственный областной университет***КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СФЕРА ЛИЦА**

Аннотация. В статье вводится понятие о коммуникативно-прагматической сфере лица – объединении однопропозитивных компонентов, отношение которых к лицу в данном высказывании специально обозначено. Значение лица маркирует имена и именные группы, которые в дальнейшей текстовой перспективе способны выступать представителями сферы этого лица. Маркированность имён отношением к сфере лица актуализируется в условиях противопоставления личных значений и часто становится основанием прагматических оценок этих имён, что влияет на их сочетаемость с другими словами в тексте.

Ключевые слова: категория лица, личные значения, синтаксическое лицо, маркированные значения, текст, коммуникативно-прагматическая сфера, функционально-семантическое поле, литературно-художественный приём, создание художественного образа.

N. Samsonov*Moscow State Regional University***COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC SCOPE OF PERSON**

Abstract. The article introduces the concept of communicative-pragmatic field of person – combination of single-propositive components which relation to person in this statement is specifically indicated. The meaning of person marks names and nominal groups, that are able to run further as representatives of scope of that person. Marking names by relation to the scope of person is actualized in the opposition of personal meanings and often becomes the basis of pragmatic assessment of these names that affects their compatibility with other words in the text.

Keywords: categories of person, personal values, syntactical person marked meanings, text, communicative and pragmatic scope, functional-semantic field, literary technique, the creation of an artistic image.

«...Референция наряду с предикацией составляет основу языковой коммуникации. Используя языковые единицы, мы, во-первых, осуществляем референцию к внеязыковым объектам, а во-вторых, приписываем (предицируем) им какие-то свойства», – пишет А.Д. Шмелёв [4, с. 16]. Это отправная точка наших рассуждений в данной статье: здесь кратко и ёмко представлены две принципиально различные функциональные сущности языковых единиц: одни из них называют и относятся к субстанциональному плану содержания, а другие характеризуют и представляют собой реляционный план содержания. Субстан-

циональный план содержания – это мир реальных и виртуальных (в смысле ‘искусственно реальных’) предметов. Этот мир неоднороден вообще и по отношению к языку в частности. Неоднородность предметного мира вообще очевидна и предоставляет неограниченные возможности для обобщений, классификаций. Но при рассмотрении этого мира с точки зрения языковой коммуникации сразу же намечается противопоставление: личность – не личность (предмет, вещь, событие и т. д.). Это противопоставление возникает потому, что, во-первых, личность способна быть коммуникантом, т. е. участником речевого акта, а, во-вторых, вне личности и вне сообщества личностей языковая коммуникация не существует.

Итак, субстанциональный мир – это люди и вещи, реальные и виртуальные, хотя это различие здесь для нас не очень важно. Интересно в аспекте проблематики этой статьи различие между людьми и вещами: оно в том, что люди активны, а вещи пассивны. Люди могут создавать вещи, но вещи не могут создавать вещи; люди могут иметь отношение к вещам, а вещи – к людям, но только с точки зрения человека; сами же по себе вещи, вне мира человека, могут иметь только физическое отношение друг к другу.

Отношения людей между собой многообразны, отношения человека к вещи разнообразны: человек может обладать вещью (*мой дом*), но может и не обладать: вещь может быть просто причастна к человеку тем или иным образом (*моя улица, моя река*).

Языковая коммуникация передаёт все эти отношения. Грамматика любого высказывания характеризуется

персональностью – это выражение отношения высказывания к говорящему: высказывание может быть сделано о самом говорящем – это 1 лицо (*я печатаю*), об адресате речи (*ты печатаешь*) – 2-ое лицо, о ком-то не участвующем в разговоре (*машинистка печатает*) или о чём-то (*принтер печатает*) – 3-е лицо. Эти грамматические личные значения организуют вокруг себя функционально-семантические поля – всё то разноуровневое и разноформленное языковое, что при реализации в речи даёт более или менее ярко выраженное представление о каком-либо лице – первом, втором или третьем.

Но при наблюдении за проявлением личных значений в текстовой перспективе можно заметить явление, не вписывающееся в понятие функционально-семантического поля. Это маркированность имён и/или именных групп отношением к лицу (грамматическому либо лексическому).

Личное значение распространяется на все имеющие к нему отношение компоненты высказывания. Если мы скажем *Маша взяла карандаш и начертила в тетради треугольник*, то существительные *карандаш, тетрадь* и *треугольник* будут ассоциативно связаны с Машей в дальнейшей перспективе текста. Они соотносятся с лицом – *Машей* – при помощи глаголов-предикатов *взяла* и *начертила*. Связь эта может быть неактуальной и даже ничего не значащей, если эти Машины действия не актуальны для дальнейшей событийной линии текста. Но эта же связь может быть и актуализована, если мы допишем текст, например, так: *Маша взяла карандаш и начертила в тетради треугольник, а я на каком-*

то листке вычертил ручкой квадрат. Удивительно, но квадрат заработал пятёрку, а треугольник – нет. Ещё более показательна в отношении актуализации связей была бы другая фраза в конце: *Мне было приятно, что треугольник заработал пятёрку, хотя квадрат её не заслужил.* Тут уже намечается фабула.

Можно подумать, что это явление связано каким-то образом с метонимией, но мы, экспериментируя, приведём пример, где маркированность личным значением выступает явно не в связи с метонимией. *Маша ходила на концерт, а я нет* – этот текст нельзя продолжить таким образом: *Концерт был скучным или На концерте играли джаз.* Поскольку текст составлен от 1-ого лица («а я нет»), его нельзя продолжить, оценивая или описывая концерт от 1-ого лица и без ссылок на 3-е лицо, т. е. Машу (например, *по словам Маши*), которая имеет к концерту отношение, в отличие от повествователя.

Получается, что *концерт* в представлении читателя маркирован отношением к сфере 3-его лица; *треугольник* и *квадрат* из предшествующего примера входят в сферы разных лиц.

Дадим рабочее определение «сфере лица». Это коммуникативно-прагматическое понятие, объединяющее все пропозитивные компоненты, отношение которых к лицу в высказывании специально обозначено. Оно может быть обозначено предикатом, если имя или именная группа находится в области применения предиката: *Я готов целовать песок, по которому ты ходила* (В. Павлинов), или атрибутивно, с помощью согласованного или несогласованного определения: – *Папа, скажи искренно, по чистой совести:*

какая собака лучше – наш Откатай или его Угадай?; собака генералова брата (А. Чехов). Важно, что характеристика сферы лица как коммуникативно-прагматического понятия не устраняет из поля зрения грамматическую составляющую этого явления [2]. Грамматика не оторвана от прагматики, даже наоборот. Об этом пишет П.А. Лекант в статье «Вводность – коммуникативно-прагматическая категория» [1].

На наш взгляд, явление маркированности имеет основания в философской категории отражения: «Сущность свойства отражения в неорганической природе заключается в способности любой вещи продуцировать изменения, следы, которые находятся в соответствии (или сходстве) с воздействующей на неё вещью» [3, с. 454]. В связи с этой мыслью маркированность здесь понимается как отражение личного значения в словах, либо не обладающих самостоятельным личным значением (*Я начертил квадрат*), либо обладающих другим самостоятельным личным значением (примеры: *Квадрат начерчен мной* – здесь значение 3-его синтаксического лица; *моя Маша* – лексическое значение лица личного существительного).

Мы не случайно привели выше примеры из чеховских «Хамелеона» и «Предложения»: в них маркированность предметов отнесением к сфере того или иного лица актуализована в полной мере и играет сюжетобразующую роль. Так, существительные *собака* и *щенок* сочетаются в рассказе «Хамелеон» с разными характеристическими определениями в зависимости от отношения принадлежности собаки к генералу: «маленькая», «может быть,

дорогая», «ихняя собачка», «собачонка ничего себе», «шустрая такая», «цуцык этакий», если это собака генерала Жигалова; и, наоборот, «бешеная», «бродячая», «чёрт знает что», «ни шерсти, ни вида... подлость одна только» – если собака не принадлежит генералу или его родственнику. Понятно, что положение генерала Жигалова в прагматиконе говорящего распространяется на всё принадлежащее генералу или только относящееся к нему.

В пьесе-шутке «Предложение» особенно интересно отношение к сфере лица не Воловых Лужков, т. к. это отношение эксплицируется и является предметом спора (Наталья Степановна. *Воловы Лужки наши, и я не уступлю, не уступлю, не уступлю!*). Здесь интересно выражение маркированности существительных, называющих собак, – *Угадай* и *Откатай*. В начале спора персонажи не употребляют показателей маркированности (*наш – ваш, мой – ваш*): Ломов. *Откатай лучше Угадай? Что вы! (Смеется.) Откатай лучше Угадай!*

Но по мере усиления и ожесточения спора клички *Угадай* и *Откатай* уже употребляются персонажами практически всё время с определениями, эксплицирующими отношение к сфере лица: Наталья Степановна. *Во-первых, наш Откатай породистый, густопсовый, он сын Запрягая и Стамески, а у вашего муругонегого не доберешься до породы... Потом стар и уродлив, как кляча... Ломов. Стар, да я за него пяти ваших Откатаев не возьму... Разве можно? Угадай – собака, а Откатай... даже и спорить смешно... Такких, как ваш Откатай, у всякого выжлятника — хоть пруд пруди. Спор таким образом переходит с предме-*

тов, относящихся к сферам разных лиц, на сами личности. Причём после того как Ломов и Наталья Степановна примиряются, выражая желание стать супругами, спор о собаках вновь начинает разгораться, и опять же сначала не употребляются маркированные лицом определения: Наталья Степановна. *Но... всё-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатай*. Такой импликацией Наталья Степановна будто призывает Ломова к объективности, к оценке, не зависящей от принадлежности собак, однако читателю понятно, что именно отношение к сфере того или иного лица и является причиной спора.

Из приведённых примеров можно заметить, что условием актуализации отношения имени к сфере лица является противопоставление, антитеза личных значений. Это условие становится особенно важным в поэтическом тексте, где с учётом явления маркированности имён и именных групп сферой лица можно произвести анализ языковой игры личных значений. Этот приём широко распространён в стихотворениях, где лирический герой метафорически идентифицирует себя с явлениями природы, с неодушевлёнными предметами. Возьмём в качестве примера стихотворение А.А. Блока:

Пусть светит месяц – ночь темна.

Пусть жизнь приносит людям счастье, –

Синтаксический параллелизм (оба высказывания начинаются частицей *пусть*) усиливает антитезу, обозначенную в 1-ом предложении: здесь лексически противопоставлены предикаты *светит – темна* и синтаксически оформлено противопоставление частей бессоюзного сложного предло-

жения, из чего видно, что противопоставляются *месяц* и *ночь*: месяц как источник света и ночь как тёмное время суток. Но здесь они пока имеют общее синтаксическое значение 3-его лица.

В следующем предложении появляется 1-ое лицо (лексический показатель – *моей*), которое маркирует относящееся к той же пропозиции *ненастье*:

*В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.*

Введённое здесь 1-ое лицо противопоставляется 3-ему, к сфере которого вначале были уже отнесены *люди, жизнь, счастье*.

Далее в сферу 1-ого лица вводится *ночь*:

*Ночь распростёрлась надо мной
И отвечает мёртвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрасветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:*

И затем следует рефреном начальное предложение, однако в нём *ночь* уже воспринимается как объект сферы 1-ого лица, представитель лирического героя, а *месяц* – как противопостав-

ленный ему объект 3-его лица, символизирующий других людей:

*Пусть светит месяц – ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, –*

*В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.*

Таким образом, анализ текста с учётом маркированности имён их отношением к сферам личных значений позволяет найти лингвистические основания при описании литературно-художественных приёмов и приёмов создания художественных образов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лекант П.А. Вводность – коммуникативно-прагматическая категория / Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Издательство МГОУ, 2002. С. 130-133.
2. Самсонов Н.Б. Феномен третьего лица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 22-25.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1989. 840 с.
4. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.